

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Порой случай может перевернуть всю жизнь

Отрывок из повести «Солдатские приколы».

Непонятно за какие заслуги на ноябрьские нам с Андрюхой повесили по сопле. — Лучше дочь проститутка, чем сын ефрейтор! Я лычку пришивать не буду, — возмутился он, когда мы стояли перед строем. Но, увидев, как Татеев оттягивает палец для штреха, сразу проникся гордостью за своё новое воинское звание и радостно закричал: — Служу Советскому Союзу! Вечером, налепив на погоны по узкой золотистой полоске, мы уже являлись младшими командирами.

Выпал первый снег. Не просто выпал, а повалил. По инструкции снежный покров на антенном поле не должен превышать десяти сантиметров. А антенное поле по размерам значительно больше футбольного. Гребли мы эту напасть всем расчётом день и ночь. Отменены были все занятия и тренировки. Одежда просыхать не успевала. Я до сих пор без содрогания не могу смотреть на сугробы. Наступал предел человеческим возможностям. И вот. О, счастье! Расчёт вывели на отдых. Заступила новая смена. Но радовались преждевременно. В военном городке зам по тылу уже с нетерпением ожидал нас. Началась непрерывная очистка аллей и дурацкое выравнивание по натянутой верёвке насыпанных на газоны сугробов. И чтобы всё одной высоты! Лишний снег вывозили на санках за КПП. А тут ударила оттепель. Ребята в расчёте, наверное, вздохнули с облегчением. Но только не мы.

— Некрасиво, — решительно заявил толстый майор, указывая пальцем на обнажившуюся землю. И солдаты на тех же санях стали возить снег обратно, засыпая газоны и опять выравнивая. Когда вот-вот должны были начаться массовые самоубийства военнослужащих от невыносимых условий жизни, погода, наконец, установилась. А потом заломили такие морозы! Да и пора бы уже. Дело шло к Новому году. — Маслов, собирайся, завтра поедешь со мной, — подошёл ко мне после вечерней поверки старшина. — Куда? — удивлённо протянул я. — Любить верблюда, — передразнил он меня: — Поле под новую ракетную площадку поедем размечать. Утром получишь на кухне сухой паёк и чтобы был, как штык.

На следующий день после завтрака я подошёл к повару. — Держи! — грохнул он передо мной доверху набитый вещмешок. — Ничего себе! Тут на целый взвод хватит, — взвесил я мешок на руке. У штаба стоял газик. Никакого взвода там не было. В машине сидели два офицера из второй батареи, а рядом ходил, притопывая от нетерпения, наш старшина.

— Ты где болтаешься? Залезай скорее, — набросился он на меня. Я устроился на заднем сиденье. Кусок сел за руль и тронул газик. Как только проехали КПП, сидевший рядом со мной старший лейтенант вытащил из стоявшей у него в ногах сумки бутылку водки и складной стаканчик. Офицеры приняли по первой. Мне стало не по себе, когда Кусок, держа одной рукой руль, тоже опрокинул рюмочку, сразу прибавив газу. Моё присутствие товарищи командиры дружно проигнорировали. Машина кувыркалась так и этак, отказываясь ехать. Но прапорщик, лишь изредка отвлекаясь, чтобы принять очередную дозу, всё-таки через пару часов железной рукой довёл её до места. Выгрузились на опушке леса. Погода начинала портиться. Мороз крепчал.

Сделав несколько зарубок на соснах и вбив два колышка, командиры расселись вокруг разведённого мною костра. Ответственная работа была завершена. Начался пикник. Водки в сумке старшего лейтенанта оказалось много. Мои обязанности сводились к поддержанию

огня и вообще быть на подхвате. Грех жаловаться, накормили меня до отвала, но спиртного даже понюхать не дали. Весёлая компания теплела с каждой минутой. — Кусок, ты чего так помногу наливаешь? — ни с того, ни с сего раскомандовался вдруг старший по званию. — Хочу показать, как люди пьют, — старшина отбросил в сторону пустую бутылку. — Люди? Да какой ты человек? Ты же — прапорщик! — поддержал разговор второй офицер. Тёплые отношения, приближаясь к критической температуре, запросто могли перерасти в драку. — Нет, ребята, всё это ни к чему. Пойду-ка, прогуляюсь, — поднялся я от костра. На меня никто не обратил внимания.

Сугробы намело по колено. Сосны гудели на ветру своими вершинами. Заблудиться было не страшно. Легко можно найти дорогу по своим же следам. Между деревьями замелькали просветы. Лес кончился. Открылось огромное белое поле с холмами вдалеке, на которых виднелись какие-то строения. Погода продолжала портиться, во всю мела позёмка. Повалил снег. — Наверное, отцы-командиры уже выяснили отношения, — нужно было возвращаться. Следы заносило очень быстро. В некоторых местах они еле проглядывались. Несколько раз я сбился с пути. С ёлок за шиворот неприятно сыпалось, заставляя ёжиться. Долго проплутал, но на полянку нашу всё же вышел.

— Что за чёрт? — газика на дороге не было. — Вот кострище. Вот остатки заготовленных мною дров. Вот разбросанные бутылки. Точно. Место это, а машины нет- я присел к погасшему костру, стянул зубами мокрую перчатку и полез в карман за спичками. Вытряхнув оттуда снег, моя рука извлекла размякшую, бесформенную, жидкую массу, которая когда-то называлась спичечным коробком. Начинало смеркаться. Жизнь обещала быть весёлой! Самое лучшее, конечно, не дёргаться и остаться на месте. Но когда эти клоуны заметят моё отсутствие и заметят ли вообще? А уж найдут ли дорогу обратно в такой круговерти? Это и вовсе — проблематично. пор не знаю, правильно ли поступил? Множество рук подхватили меня и поволокли куда-то. Уже в другом помещении, охая и ахая, быстро раздели моё солдатское существо и понесли дальше. По горячей волне воздуха, обдавшей голое тело, я сообразил, что нахожусь в бане. Меня положили животом вниз на скамейку и принялись растирать.

— Миленький! Не умирай! Ну, проснись, пожалуйста! — причитало вокруг несколько женских голосов одновременно. Я лежал с вытянутыми вперёд руками и, уткнувшись носом в скамейку, прищуривая то левый глаз, то правый, косил ими во все стороны. О боже!!! Все интимные части женского тела, обычно скрывааемые от лиц противоположного пола, наблюдались в непосредственной близости. Отдельные их фрагменты ослепляли своей естественной белизной. Растиравшие мою спину спасательницы попеременно прикасались ко мне своими бархатными животиками и тем, за что дёргали на службе коров. Выдерживать долго такое не может никто. Ещё немного и моё истосковавшееся в казарме солдатское начало готово было проломить скамейку. Очевидно, решив, что со спиной поработали достаточно, меня резко перевернули. Всё что до этого было скрыто, тут же во всю силу невыносимого нетерпения выставилось на показ.

— Девки! Да он — живой! — надавил на уши истерический крик. Не успел я открыть глаза и попытаться хоть что-либо объяснить, как тут же на меня обрушился ушат ледяной воды. Сердце чуть не остановилось. Завернувшись в махровый, женский халат и намотав на голову чалму из полотенца, я сидел перед огромным столом с самоваром, как падишах среди своего гарема. Румяные, раскрасневшиеся после бани дюряки хохотали до слёз. В полку мы лишь

изредка встречали в военном городке каких-то высушенных женообразных селёдок, которые не шли ни в какое сравнение с этими принцессами. Извиваясь на стуле, мне удавалось ухаживать за всеми сразу, разливая в чашки чай. Шок от неожиданности прошёл, и теперь всё выглядело в очень смешном свете.

— Девчата! А может я у вас останусь? Тяжёлое там поднести или ещё чего-нибудь? — от одного взгляда на них таяло сердце. — Ух, шустрый какой! Мы уже к тебе в часть дозвонились. Оттуда машину послали, — они сами жалели о том, что сделали. Несколько часов, проведённых на этой ферме, потом долго причудливыми снами будут будоражить мне душу в казарме. — Солдатик! За тобой командир приехал, — в приоткрытую дверь просунулась курносая голова. Я поправил отутюженный девчонками мундир, застегнул шинель, подтянул ремень и вышел. В коридоре стоял, строго глядя прямо перед собой, наш замполит.

— Товарищ майор, ефрейтор Маслов... , — шагнул я к нему. — Ладно, Потом, Иди в машину, — резко оборвал он меня. — Девчата! Меня Лёшей зовут. После дембеля обязательно к вам приеду, — не удалось даже толком поблагодарить своих спасительниц. На улице фыркал работающим двигателем газик. — Дело губой запахло. Мало ли, чего эти клоуны там напели. Получается вроде, как самовольная отлучка. Вон замполит, какой злой. Кусок-то — мужик правильный. А те из батарей? Что за люди? Кто их знает? — размышлял я, залезая в машину. — Лёха! Ну, ты даёшь! — сразу же затараторил водила. — Чего в полку? — мне позарез необходимо было разжиться хоть какими-то новостями.

— Эти трое приехали. У штаба вылезли. Стоят. Качаются. Тут Табуреткин выскакивает. Старшой ему докладывает, мол, задание выполнили, а ефрейтор потерялся. Где — не могу знать. А сами все друг за друга держаться, чтобы не упасть. Табуреткин разорался. Что ты! Полк по тревоге подняли тебя искать. Хотели лес прочёсывать, — водила резко замолчал. В машину забирался замполит. — Трогай, — кивнул он шофёру, усевшись рядом со мной, а не впереди, как делали все офицеры. — Ну, как? — вцепился он мне в рукав, жарко задышав в ухо. — Чего как? — не понял я. — Ну, как там, в бане было? — глаза майора горели. Видно девчонки ему кое-что рассказали. Моё повествование через каждую минуту прерывалось злыми окриками майора на водилу: — Вперёд смотри! Куда едешь?

Но тому было не до дороги. У него аж уши шевелились от усиленного внимания, и он всё время пытался обернуться, чтобы лучше слышать. По тому азарту и глубоким вздохам, с которыми ловил каждое моё слово замполит, я понял, что волновался напрасно. Губа не грозит. Майор заставлял помногу раз пересказывать отдельные эпизоды. Особенно его интересовали все, даже самые мельчайшие подробности в описании банных сцен. Когда подъезжали к части, я уже охрип. Но это были ещё цветочки. С тех пор, где бы ни присели на перекур, мне приходилось в двести первый раз описывать всё сначала. О том, что мои рассказы могут кому-нибудь наскучить, не могло быть и речи. С каждым разом число слушателей только увеличивалось. И куда бы ни бросила солдатская судьба. С кем бы ни довелось общаться, независимо от воинских званий, как только я произносил свою фамилию, глаза собеседника загорались, а губы расплывались в масляной улыбке. Жизнь становилась невыносимой.

Но в любом, даже самом плохом, всегда можно найти что-то хорошее. Замполит меня после тех событий жутко зауважал, решив, что вот теперь я, как никто другой, постиг все тонкости воинской службы. Отныне, когда весь полк, впрягаясь в сани, под руководством зам по тылу

возил снег, чтобы ровнять газоны, я ходил по дорожкам с новой, подаренной мне замполитом планшеткой, с наисерьёзнейшим видом вникая во все тонкости газонно-паркового дела. А вечером. За пять минут, нацарапав корявым подчерком боевой листок, знал, что мне опять объявят благодарность.